

ВЛАДИМИР ГОСТЮХИН:

«Я НИКОГДА НЕ ПЛЫЛ ПО ТЕЧЕНИЮ»

— Да, у меня жена — белоруска, родом из Полесья. Очень люблю их песни, язык. Часто прошу дома говорить "только на бяларуску" — все понимаю, слушаю, как музыку, но сам говорю не очень...

— В общем, Владимир Васильевич, не жалеете, что в свое время уехали из Москвы?

— "Никогда ни о чем не жалеете вдогонку!" — глупое это занятие, я согласен с Андреем Дементьевым. В белорусском кино я востребован. Сыграл в сказке "Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах" у Виктора Турова. Приходилось и разговлять по-белорусски на экране, на сцене. Всегда был выбор как минимум из пяти сценариев.

— Начинали вы как актер в театре?

— Да, в Московском Театре Советской армии. Мебельщиком-реквизитором.

— ???

— После окончания ГИТИСа отслужил, как положено, в армии. Женился. Родилась дочь, надо было зарабатывать на хлеб. А театры как раз переживали глубокий кризис, зрительные залы пустовали. Дефицита актеров не наблюдалось, а рабочие сцены были как всегда нужны. Мне обещали там место, но его все не давали. Четыре года честно, по-настоящему был одним из лучших, если не лучшим мебельщиком Театра Российской армии. Однажды заболел актер, который играл главную роль в спектакле "Неизвестный солдат", и я просто убедил теперешнего главного режиссера Бориса Морозова, с которым мы учились в ГИТИСе вместе, что я сыграю эту роль, а он был очередным режиссером на этом спектакле. И Боря опять-таки убедил руководство театра, что у меня актерское образование и у меня может получиться. За два репетиционных дня я вошел в этот спектакль, сыграл, меня утвердили на этот спектакль, и я продолжал двигать мебель и играть этот спектакль. Сразу с карьерой мебельщика расстаться не удалось, но постепенно меня ввели во все десять спектаклей родного театра. Это была потрясающая школа. А потом я сыграл еще один срочный ввод. Но там я вообще играл английского полковника в спектакле "Бойня №5" по Курту Воннегуту — с песнями, огромными монологами. Это был ужас. Артисты, которые играли в этом спектакле, наслаждались, потому что я сочинял пьесу заново: я Курта Воннегута сочинил, я говорил от себя, потому что пьесу мне дали утром, а вечером мы должны были играть. Ну что я могу выучить за это время? Естественно, я сочинил новый спектакль, артисты получали огромное удовольствие, они отворачивались и хохотали так весь спектакль.

— Но известностью вы обаяны кино?

— Разумеется. На главную роль в фильме Ларисы Шепитько по повести известного белорусского писателя Василя Быкова "Сотников" пробовались такие замечательные актеры, как Владимир Высоцкий, Николай Губенко. А утвердили меня. Эту глубоко психологическую роль и считаю началом своей судьбы в кино. Мой предатель Рыбак получился неоднозначным, сложным образом.

Чуть ли не членом каждой российской семьи стал актер с чисто русской фактурой Владимир Гостюхин после неоднократной демонстрации по НТВ телесериала "Дальнобойщики". Поэтому когда на "Киношоке" в Анапе актера представляли членом белорусской делегации, присутствовали и недоумение, и даже ревность заядлых телезрительниц. А этот настоящий русский мужик оказался народным артистом Белоруссии, жителем Минска, что не помешало начальнику управления культуры администрации города-курорта Ольге Казаковой на закрытии кинофестиваля стран СНГ и Балтии вручить приз зрительских симпатий именно "Заслуженному дальнобойщику" стран СНГ. Сегодня беседа с человеком, у которого российско-белорусская граница пролегла, без преувеличения, прямо по сердцу.

— Сколько всего киноролей вами сыграно, есть ли любимые?

— Недавно взялся подсчитывать — получается уже до шестидесяти! Оставил театр ради фильма "Восхождение". Так называлась та самая картина по гениальному "Сотникову". И я решил испытать судьбу: уж больно название символическое. Сработало: главный приз на всесоюзном кинофестивале в Риге, "Золотой медведь" на берлинском кинофоруме. В США наряду с "Полетом над гнездом кукушки" наша лента была признана в тот год фаворитом рейтингов.

— После такого успеха посыпались предложения сниматься?

— Да, после Рыбака у меня всегда был выбор. Он, кстати, есть и сегодня. Но часто отказывался, когда был явный "социальный заказ". Мне интересна в роли

личность, а не "социальная фактура".

Сам выбрал главную роль в картине "Случайный пассажир" — и снова в яблоко: приз за лучшую мужскую роль на Международном кинофестивале в Сан-Ремо (Италия). Последние мои "советские" работы были в "Урге" ("Золотой лев" на фестивале в Венеции!) Никиты Михалкова и в неоконченном "Тихом Доне" Сергея Бондарчука. Это было не только талантливым, но и честное кино, что не менее ценно и важно.

— А где сегодня ваше основное рабочее место?

— С 1982 года служу в Минском театре-студии киноактера. Немного похвалиться можно? Уже лет семь играем вдвоем с су-

ругой спектакль-диалог "Миленький ты мой" с неизменным успехом и аншлагом в огромном полуторатысячном зале.

— Вы поддерживаете идею нового союзного государства?

— Я за то, чтобы было создано единое славянское государство:

Россия — Беларусь — Украина. Это же так естественно и исторически оправданно! Жаль, что порой это благое дело тормозится амбициями отдельных политиков, сиюминутными, вполне разрешимыми экономическими проблемами. Надо видеть, что в этой идее главное, и не приносить это главное в жертву второстепенному.

— А какие взаимоотношения у народного артиста Беларуси Владимира Гостюхина с российским кино в наше непростое время?

— Я и в России — заслуженный! Причем оба звания дали, не сговариваясь, в одном, 1982 году. В последние годы российский кинематограф как бы вспомнил обо мне. Успел сняться в последней ленте "Сын за отца" моего друга Николая Еременко-млад-

шего (царство ему небесное). Затем работал в мелодраме у Дмитрия Астрахана. Но просто бешеную популярность мне принес, конечно, сериал "Дальнобойщики", причем не только в России, но и в Беларуси и на Украине.

— А "Дальнобойщики" для вас — это удача или все-таки есть опасность стать заложником этого бесконечного сериала?

— Я считаю, что для меня это удача. Мне было очень куражно играть эту роль, и хороший партнер был — на то время Влад — просто как-то очень чувствовали мы эмоционально друг друга. И мне это нравилось, потому что истории были очень любопытны, они не похожи ни на что, что я видел в сериалах: занудливо, скучно, шпана, проститутки, бандиты и прочее-прочее. Здесь были живые люди, из жизни, поэтому меня воспринимали как соседа Ивана, живущего за стенкой. В этом сериале есть позитивная энергия, которая притянула миллионы зрителей. И это правильно, хотя я считаю, что я лучше, интереснее сыграл тренера футбольной команды в сериале "Команда". И мне жалко, что этот сериал не был показан в прайм-тайм.

— Вы и до этого играли водителей ("Урга", "Авто-стоп"). Вам близки эти простые русские мужики?

— Начнем с того, что я родился в Свердловске в рабочей семье. Отлично знаю этих людей с детства. Сам вожу машину. Так что психологию водителей изучил. А дальнобойщики — это особая каста. Как в песне из фильма поется: "...дорога не прощает суеты". Она еще много чего не прощает: фальши, двуличия, предательства, эгоизма, жадности... В общем, очищает человека от скверны. Так что горжусь, что стал дальнобойщиком — опять повезло.

— В вашей фильмографии есть откровенно отрицательные люди, отрицательные персонажи по канонам литературным — те же Рыбак, Меженин. И все равно

каким-то образом вы находили, вы доставали оттуда то, что мы называем "надежда", потому что есть философия: "все люди ничтожество", а есть философия, что человек — это все-таки человек.

— Это живое. В российском кинематографе есть хорошая традиция — умение показать живого человека, жизнь человеческого духа. Я хочу направить молодых артистов искать человека и ни в коем случае не подражать американскому кино. Учиться у американцев нужно только профессионализму, способности отдавать себя этой работе, но ни в коем случае не учиться у них идеологии кинематографа. У нас должен быть свой кинематограф, наш кинематограф должен питаться людьми, которые живут рядом. Нехорошо, но я все-таки хочу сказать про "9-ю роту" Бондарчука. Вы понимаете: 9-я рота не погибла. Нельзя использовать живой материал и людей, которые живы до сих пор. 9-ю роту никто не бросил.

— Для вас важно, какую идеологию, какой идейный заряд несет фильм, котрым вы будете заниматься как режиссер или как актер?

— Очень важно. Я никогда не сыграю из-за денег абы как, я отказываюсь очень много, даже у Ларисы Шепитько отказался сниматься во втором фильме. Сейчас у меня лежит прекрасный сценарий Евгения Месяцева "Свет перископа", и этот проект я очень хочу реализовать, я приложу все силы, чтобы этот проект удался. Это красивая история, которая связана и с войной, и с нашим временем.

— С войной Великой Отечественной?

— Да, с Отечественной войной и нашим временем. Это необыкновенная история о том, как два человека, воевавших друг против друга, встречаются в наше время. Какие между ними происходят флюиды! Это настолько интересно прописано у Евгения Месяцева, что я очень хочу эту историю сделать, но пока только белорусская сторона откликнулась. Я хочу сделать совместный проект Белоруссии и России. Это очень дорогой проект. Я хочу привлечь наших замечательных артистов старшего и молодого поколения и мечтаю, чтобы с немецкой стороны главную роль сыграл Максимилиан Шелл.

— Владимир Васильевич, был такой фильм у вас лет 20 назад — "Белый ворон". Не обижайтесь, пожалуйста, но кажется, что вы, как и его герой, и в жизни плывете против течения, руководствуясь больше велением души, чем холодным расчетом ума.

— Никогда не плыл по течению, а теперь уже поздно начинать. Еще в начальной школе как стал писать с наклоном в противоположную сторону — так уж, как ни старались мама с учительницей, ничего не смогли со мной поделать! "Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал..." Да и в сегодняшней актерской тусовке часто чувствую себя белым воронком.

По материалам
информгентств.